

УДК 297.1
ББК 86.38-3

DOI 10.47475/1994-2796-2020-11006

Формирование мусульманских общин в Китае и исламские святыни Иньчуани (Нинся-Хуэйский автономный район, КНР)

И. В. Герасимов¹, Т. А. Пан²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;

² Институт восточных рукописей РАН, Москва, Россия

В статье рассматриваются отдельные аспекты истории мусульманства в Китае, появление переселенцев — носителей исламских знаний, формирование народности хуэйцзе, деятельность суфийских братств в Китае в прошлом и настоящем. Особое внимание уделено святыням: мечетям, куббам и музеям Иньчуани, где содержатся экспонаты, освещающие жизнь исламской общины этого региона.

Ключевые слова: ислам, Иньчуань, мечети, накибандийа, могилы, суфизм.

Формирование общин мусульман началось в Китае достаточно рано. Согласно сообщениям в трудах современных китайских исследователей, первые мусульмане оказались в Китае в 651 г. Главой группы мусульман, прибывшей в город Чанъань (современное название города Сиань), был представитель халифа Османа ибн Аффана [12, с. 29]. Это событие имеет большое значение в равной степени как для Китая, так и для арабо-мусульманского мира, поскольку служит отправной точкой для начала контактов между двумя крупнейшими империями того времени. Поскольку препятствий для перемещения мусульманских торговцев в Китай не существовало, то они стали малыми группами прибывать в Китай и оставались в нем. Со временем их число особенно в городах выросло, и мусульмане приобрели у местных жителей особое название, которое используется и в настоящее время. Об этом названии писал начальник Тринадцатой и Четырнадцатой Российских духовных миссий в Пекине архимандрит Палладий: «Магометане <...> носят у китайцев, подобно их единоверцам в Туркестане, название *хой хой*, или попросту *хой цзы*; веру их называют *хой цзяо* и *цзе цзяо* «верою запрещения», вследствие запрещения у мусульман вина и свинины <...> они стали обозначать, под именем *хой хой*, всех выходцев из запада, исповедывавших магометанскую веру, без различия народа и племени» [1, т. 4, с. 437].

Предположение о том, что после этого события наблюдалось активное распространение ислама в регионе пока не имеет фактического подтверждения. Тем не менее, факт дипломатической встречи был зафиксирован в официальных китайских

хрониках. После первого визита в Поднебесную на протяжении следующих ста сорока семи лет в Китай направлялись посольства тридцать семь раз. Однако это не означало массового переселения мусульман в Китай, а лишь в какой-то мере способствовало организации их небольших торговых факторий в приморских районах. Первая мусульманская мечеть появилась в Китае в Гуанчжоу в период правления династии Тан (618—907 гг.) [12, с. 67]. Китайские подходы к архитектуре и сложившиеся веками методы строительства служили теоретическим базисом при строительстве. Материалы, использованные при возведении мечети, были также традиционными китайскими.

По мере развития и расширения пространства Великого шелкового пути, основы которого были заложены в период правления династии Хань (52—220 гг.), во время династий Суй (581—618) и Тан (618—907), наблюдалось переселение выходцев из Ближнего Востока, арабов и персов в восточном направлении сухопутным путем. Торговцы шли вслед за развивавшейся торговлей на Восток и излюбленным местом их пребывания становились города. В частности, в западной части города Сиань во время династии Тан располагалась процветающая улица, где число переселенцев — мусульман составило четыре тысячи семей [12, с. 31]. Присутствие в китайской империи мусульман постепенно становилось все более заметным в крупных торговых центрах не только приморской, но и внутренней части страны. В 766 г. знаменитый танский поэт Дуфу в стихотворной форме описал свои встречи с персидскими и арабскими торговцами, подтверждая тем самым мысль об активном торговом взаимодействии. [12, с.32]. Знакомаясь

с работами некоторых авторов из КНР, занимавшихся вопросами мусульманства в Китае, может сложиться впечатление о масштабном проникновении мусульман в этот период, однако более вероятной представляется точка зрения о пока еще не значительной волне переселения [6, с. 12—13].

В первые три века существования ислама, мусульмане подошли к границам Китая. Культурная и экономическая экспансия охватила и такие районы, как Хотан, являвшегося данником Поднебесной. С приходом и укреплением мусульманства на границах Китая изменился характер поставляемой дани. «...В течение XI и в начале XII столетий, видно что с того времени как Аравитяне явились победителями в Согдиане и Туркестане, Хотан вошел в торговые связи с Западом, и посредством караванов стал получать оттуда множество иностранных товаров, бывших ему дотоле чуждыми. В этот период Хотан присылал в Китай уже не свои местные произведения, как прежде, а разные редкости из владений Халифов. В 971 году Хотанский государь впервые прислал в Китай с Хойхойцем (т. е. с вожаком тюркского происхождения), ручного слона, выученного плясать, которого захватил во время войны с Кашгаром. В 1025 году, между прочими драгоценностями, впервые же прислан был в Китай дромадер или одногорбый верблюд, без сомнений заведенный в Хотан Аравитянами...» [4, с. 80].

В XI в. в Китае появился представитель знатных мусульманских родов — бухарский владетель Софейр. Как писал архимандрит Палладий, «он переселился сюда со всеми родичами своими, избегая будто бы смут, царствовавших в Мавераннахре. К этому можно присоединить, что в XII в. на службе господствовавшего в северном Китае дома Гиньцев (Цзинь), состоял огнестрельный полк из *хой хой*, вероятно из персов и может быть магометанской веры [1, с. 439]. Таким образом военные успехи мусульман создали им славу хороших воинов, и правители империи не замедлили воспользоваться их услугами и боевым опытом.

Наиболее серьезные потрясения и последовавшие за ним переселения больших масс людей в Китай приходится на период правления династии Юань (1206—1368 гг.). Начиная с 1219 года монголами были покорены почти сорок государств. Наибольшая часть из них были исламскими, и в монгольских текстах их называли «хуэй хуэй». На территории Китая монголам какое-то время противостояла династия Южная Сун (1127—1279), но в 1276 г. она понесла мощнейшее поражение и через несколько лет монголы контролировали практически всю территорию Китая. Страшная судьба постигла Тангутское государство Си-ся,

жители которого, оказавшие сопротивление войскам монголов, были полностью уничтожены. В ходе движения монгольских войск по исламским районам Центральной Азии в их армии набиралась и местные мусульмане — турки, персы, арабы. Среди них были военные и гражданские люди. После завершения походов их переселяли на отвоеванные земли. Именно они и составили основу или точнее ядро народности хуэй — китайских мусульман. Они стали массово расселяться на территориях, входивших ранее в поверженное государство тангутов. «При тех преимуществах, которые даруемы были им над жителями богатой Срединной Империи, они не думали более о возврате на свою родину и оставались в Китае на всю жизнь. Из этих-то разноплеменных переселенцев магометанского исповедания образовалась главная масса китайских магометан. Благодаря фамильному преемству и выгодам промышленности и торговли, они укоренились на китайской почве и сохранили свой особенный характер до сих пор, тогда как представители других религий и наций, геликэун (христиане-несториане), чжухуд (иудеи), боланги (франки), лоли (лури, цыгане), и др., давно уже исчезли, или, как иудеи, исчезают» [1, с. 440].

С переселением большого числа мусульман в Китае наблюдалось строительство новых мечетей, часть которых в архитектурном отношении стала больше напоминать ближневосточные.

С 1368 по 1644 год в Китае возвышается династия Минь. Император Чжу Юаньчжан выступил против ношения одежды, отличавшейся от принятой в Китае, а также против использования некитайских имен и заключения браков внутри одной общины. В случае ослушания собственность разрушителя могла изыматься в пользу государства. Это был серьезный удар по самобытности хуэй. В условиях более пристального внимания к мусульманам и контроля над ними со стороны властей разных уровней, мусульмане смогли сблизиться, правда, при этом потеряв особенности своего исконного происхождения и даже память о нем. Причисление себя к какому-то конкретному роду, племени, народности стало менее важным, а вот связь, основанная на единстве религиозных уз, стала играть для них важнейшую роль. С таким настроением они вступили в XVII столетие, когда произошло возвышение маньчжурской династии и подчинение ей всего Китая.

Период правления маньчжурской династии в общем способствовал развитию исламской общественной мысли и результатом этого стало появление собственно китайских богословских сочинений. Как писал архимандрит Палладий:

«...до тех пор они (магометане) не производили на свет...опытов своей учености, кроме немногих переводных сочинений астрологического и медицинского содержания; с половины XVII в., они положили основание самобытной литературе, на языке обитаемой ими страны...» [1, с. 446—447]. Далее архимандрит Палладий обращал внимание на то, что «появление сочинений их в Китае совпадает с первыми письменными опытами европейских веропродовников. Те и другие одновременно ухватились за конфуцианизм,...магометанские писатели сравнивают конфуцианское учение с готовым материалом, из которого можно построить капище или мечеть. Они приняли также за правило, что в такой стране как Китай, самое лучшее средство действовать письменностью и соглашением собственных идей с общепринятыми нравственными началами ученых китайцев. Эти взгляды были усвоены и иезуитами» [1, с. 447].

Первое магометанское сочинение в Китае появилось в 1642 году (автор Ван Дайюй) «в нем нет ничего оригинально-магометанского; все приспособлено к нравственному учению конфуцианства, как будто то и другое учение основано на одних и тех же началах» [1, с.447]. При этом коранический текст, известный китайским мусульманам с периода раннего средневековья, использовался только на арабском языке и был переведен на китайский довольно поздно китайцами — немусульманами. Первым переводчиком-мусульманином стал известный знаток исламской доктрины и арабского языка Мухаммад Макин. В 1986 году перевод был напечатан в Саудовской Аравии и с разрешения авторитетных международных исламских организаций стал распространяться в разных частях мира.

Когда дается характеристика мусульманскому населению Китая, следует сразу отметить его неоднородность в этническом плане.

Помимо хуэйцзы, признающих себя китайцами, но исповедующими ислам, число которых по переписи 2000 года, составляет около 10 млн., в Китае проживает несколько этнических групп, которые в отличие от хуэйцзы имеют свои собственные языки и этническое самоназвание. Это салары, народ тюркского происхождения. Их численность небольшая — немного более ста тысяч. Обычно салары, как указано в работе «Национальность хуэй в Китае» называют себя не «салар», а сокращенно «сала», что переводится как «предводители войск». В период династии Цин их называли «сала хуэй». Представители тибетской народности и хань называли их «сала». Официально этноним «салар» утвердился после создания Ново-

го Китая¹ [11, с .6]. Об истории этой народности весьма подробно написано в вышедшей недавно работе отечественного востоковеда-исламоведа Е. А. Резвана «Между Туркестаном и Тибетом: салары», который сам имел возможность совершить поездку к саларам и отдельные стороны их жизни мог наблюдать непосредственно [5].

В провинции Ганьсу проживает мусульманская народность дунсян. Численно дунсян больше, чем саларов, и они по своему происхождению являются одной из ветвей монгольского этноса. Большинство из них владеет китайским языком, а собственный язык существует только в разговорной форме. То же самое можно сказать и про другую близкую к монголам численно незначительную исламскую народность баоань (их всего 16 тыс. 505 человек согласно переписи 2000) [11, с. 9]. Представители этой народности пишут на китайском языке, а родной язык монгольской группы используют в повседневном общении между собой.

Самой многочисленной группой китайских мусульман являются уйгуры, которые компактно проживают в Синьцзяне. Языком их повседневного общения служит уйгурский язык, относящийся к группе тюркских языков. Уйгуры представляют собой многомиллионный этнос, стремящийся сохранить традиции и национальную культуру, неотъемлемым компонентом которой является ислам.

Среди других мусульманских народностей Китая можно указать общины узбеков, казахов, киргизов, татар и выходцев из небольших народностей Центральной Азии, проживающих в Китае. Есть мусульмане-переселенцы из других регионов Азии, однако они не имеют своих территориально-административных единиц и живут небольшими общинами преимущественно в городах. Поскольку в мусульманской среде поощряются браки с единоверцами, то вполне закономерно, что представителей мусульманских народностей можно встретить в различных районах, где они создают семьи и находятся в комфортной для них социальной среде. В крупных городах Китая, таких как Чэнду, Хух-Хото, Шэньян, Иньчуань всегда можно увидеть улицу или целый микрорайон компактного проживания мусульман со своими торговыми рядами, ресторанами, детскими садами.

Когда идет речь об исламе в Китае, необходимо учитывать то, что, как и во многих других странах мира он в значительной степени существует в своей народной форме. Практически это выражается в причастности широких масс верующих

¹ Имеется в виду период после провозглашения КНР.

к деятельности суфийских братств. Суфии благодаря доступности интерпретации ими ряда положений исламской доктрины для простых верующих пользуются известностью и популярностью. Им удается активно воздействовать на взгляды и сознание верующих.

Как указано в труде «Islamic Art in China» «суфизм был представлен в населенных мусульманами районах северо-запада Китая, таких как Ганьсу, Цинхай, Нинся во время династий Мин и Цин (XIV—XX вв.) и дал начало различным суфийским орденам (минхуан), таким как хафийа, джахрийа, кубравийа и кадирийа. Каждая община (минхуан) имеет свои крупные ханаки и куббы, имеющие замечательные формы и уникальную архитектуру, с выраженными китайскими чертами» [8, р. 117]. Автор этой работы — Ян Гуйпин, называя хафийа и джахрийа братствами, упускает важную деталь. Это лишь два ответвления от крупнейшего стволового братства, основанного в Центральной Азии в XIV в. под названием накшбандийа. Такое название было дано этому ордену по имени его основателя Мухаммада Баха ад-Дина Накшбанди ал-Бухари (ум. в 1389 г.).

Говоря о суфийском Китае, можно утверждать, что доминирующие позиции в нем принадлежат именно этому братству. Оно получило распространение во многих городах и селениях центрально-азиатских территорий, в Туркестане, а его филиалы активно действовали в XIX — нач. XX вв. в Китае, в Российской империи, прежде всего в районах проживания узбеков, казахов, киргизов, татар, башкир. В рядах братства были выходцы из таких регионов, как Дагестан, Башкортостан, Татарстан, из районов Поволжья, Южного Урала, Сибири.

В течение первой трети XX в. накшбандийа-хафийа в Синьцзяне находилось под управлением Камар ад-Дина уроженца Намангана, перебравшегося из Ферганы в Китай.¹ В качестве резиденции он избрал Яркенд. Власть в братстве после его кончины была передана новому преемнику Аййубу Кари (Диа ад-Дин ал-Йарканди), которому удалось расширить влияние братства, создать в 1945 г. большую школу для адептов [10, р. 141]. Кроме того, он являлся автором важного теологического сочинения «Китаб манба ал-асрар» («Книга «Источник тайн»). Этот труд был завершен в 1937 г.

¹ Накшбандийа под предводительством Камар ад-Дина соединила в себе две важных линии, одну из которых основал Ахмад Сирхинди — индийский суфий, реформатор накшбандийи и основатель ветви муджаддиди и второй, возглавляемой Афаком Хваджи, который вел происхождение из кашгарской династии хваджи [10, р. 141].

и воспроизводился в виде переписанного текста на чагатайском языке последующими лидерами-наставниками ордена. Не так давно это сочинение было переведено на арабский и китайский языки для более активного распространения среди последователей. Последним из авторитетных глав братства считался Шах-и Мардан из Турфана, скончавшийся в 1987 г. Последователи братства накшбандийа — хафийа широко представлены мусульманами-уйгурами, а также хуэйцзы и дунганцами, проживающими в Синьцзяне.

Второе крупнейшее направление накшбандийи — накшбандийа-джахрийа также ведет свое происхождение из Ферганы. Основателем этого течения в накшбандийе был известный поэт Маджзуб Намангани, который ушел из жизни в начале XIX в. Из возглавляемого им накшбандийи-джахрийи выросли три крупные ответвления, обосновавшиеся в Синьцзяне.

Первая ветвь этого братства возникла в Кашгаре в начале XIX в. Ее основателем был ученик Маджзуба Намангани Игиши Ишан. Его сын Тахир Хан Хваджа (ум. в 1947 г.) родился в Кашгаре, но провел десять лет в Бухаре, постигая мусульманские науки. По возвращении в Кашгар основал ханаку и школу. Вторую ветвь обосновавшуюся в Яркенде возглавил мулла Нийаз Ишан (ум. в 1889 г. в Яркенде), который провел некоторое время в Намангане, где ему передавал знания сам Маджзуб Намангани. На смену этому лидеру после его смерти пришел сын Тухсун Ишан, который скончался в 1997 г. Третья линия братства накшбандийи-джахрийа также связана с Яркендом. Ее принес в этот город некто Абдаллах (ум. в 1978 г.), который до прибытия в Яркенд в 1928 г. переехал из Андижана в Фергану. Его сын Убайдаллах (ум. в 1993 г.) был едва ли не самым авторитетным наставником, написавшим несколько сочинений по вопросам нравственности, адаба, исламского права и традиционной уйгурской медицины [10, р. 143]. Соответственно накшбандийа-хафийа и три ветви накшбандийи-джахрийи доминируют в настоящее время в населенных уйгурами районах Китая. Они связаны духовными узами с последователями братства из других регионов и провинций, включая Нинся-Хуэйский автономный район.

Как отмечает отечественный исследователь В. С. Кузнецов, «в XVII в. суфизм проник на северо-запад Китая. Его распространение было связано с деятельностью среднеазиатского шейха Ходжа Афака (Аппака), чей прадед был главой суфийского ордена накшбандийа» [3, с. 319]. Адепты братства из среды хуэйцзы верили в чудотворения, приверженности закону жизни мусульман,

читали суфийские мистические тексты. «В своей религиозной практике они совершали суфийское «воспоминание сердца» (медитативное сосредоточение на словах священных текстов) молча [3, с. 320]. По сути, это и были более ранние представители «тихого зикра».

Говоря об истории суфизма на территории Китая, нужно отметить, что первые общины суфиев-накшбандов, почитавших «громкий зикр» появились в XVIII в. Первым наставником накшбандийи-джахрийи в Китае считается Ма Минсин¹, который принес «новое учение» в 1761 г. Он начал свои проповеди и приобрел последователей в Ганьсу, куда прибыл после учебы в Бухаре и Йемене, а затем в Яркенде и Кашгаре. Наиболее близкими по духу и ставшими его последователями были Су Сюшисань и Ху Малюху. С их помощью в 1762 году он провозгласил о создании своего братства, особенностью которого было не только чтение громким голосом Священной книги, но и рукопожатия и движения тел, напоминавшие танец с обращенными к небу лицами. Последователи нового братства верили в предсказания, в чудодейственную силу праведников и настаивали на необходимости ритуального посещения их могил.

Китайцы стали обозначать эту ветвь накшбандийи словом «чэхэлэя», что вероятно, является китаизированной производной от «джахрийи». Для понимания идеологии и сути нового братства очень важно знать, насколько возможно точно, откуда ведет происхождение основатель, с кем он встречался и у кого учился, какие идеи несли его наставники.

Наставники накшбандийи считают своим родоначальником Абу Бакра — первого из праведных халифов, который, как говорят, завещал тихое произнесение зикра, узнав о нем от пророка Мухаммада.

Тем не менее со временем появляется цепочка передатчиков, говорящих о «золотой силе», восходящей к Али, через шестого имама Джафара ас-Садика, высоко ценимого у шиитов. Хотя ветвь «громкого зикра» в рамках накшбандийи носила второстепенный характер, она включала в свой идейный фундамент шиитские элементы. Надо признать, что схожая ситуация наблюдалась и в ордене кубравийи, также представленном в Китае и также как и в накшбандийи в нем имела второстепенная по значению шиитская линия. Получалось, что в Китае при отсутствии шиитов среди мусульман, отдельные стороны шиизма проникали через суфиев.

¹ Относительно основателя «джахрийи» в Китае дискуссии не завершены и существуют предположения о другом основателе братства.

В накшбандийи оба типа зикра считаются приемлемыми. Вместе с тем, в глазах верующих восходящая к Али ветвь накшбандийи, близкая к шиитскому исламу, считается обладательницей более выраженного мистического начала. Она постепенно отходит от своего материнского братства, стремится к обособлению и формированию соответственно нового ордена. Следствием противопоставления последователей «джахрийи» единоверцам, а также официальным властям Китая, стало то, что она смогла найти благоприятную почву в среде хуэйцзы и саларов и в 1781 и 1784 гг. в Китае произошли вооруженные выступления, которые были жестоко подавлены [9, p.231].

Примерно в это же время эмиссары джахрийи были направлены в разные части страны и достигли Пекина, Шаньси, Хубэя. Таких представителей называли «ха-ли-фэй», что вполне созвучно арабскому слову «халифа» («преемник»).

Как уже сообщалось в первой части статьи, на территории существования государства Си-ся (государство Тангутов) переселялись мусульмане — выходцы из разных частей покоренных монголами стран — Ближнего Востока, Ирана, Центральной Азии. Это началось в массовом масштабе в период Минской династии. Укоренившись в новых для них землях, мусульмане стали посредством браков сближаться с китайским этническим элементом, постепенно забывая свои корни. Как отмечал В. П. Васильев, «им надобно было еще утвердиться в Китае, дать забыть о своем действительном происхождении, освоиться с новым положением, вступить в сношения друг с другом» [2, с. 68—69]. Кроме того, тот же автор подметил, что на территории тангутов местные мусульмане не хотели, чтобы их считали уйгурами из-за общей религии, и они старались убедить, что ведут свое происхождение от арабов [2, с. 69]. С учетом того, что Иньчуань располагается на территории бывшей столицы тангутского государства, и эти районы стали мусульманскими, то изучение ислама именно в этих районах наиболее интересно, так как позволяет более отчетливо увидеть ближневосточное влияние.

В настоящее время в городе Иньчуань и его окрестностях проживает 2 млн 82 тыс. 695 человек. Из них китайцы — 1 млн 147 тыс. 460 чел., что составляет 74 % населения Иньчуани и районов, прилегающих к городу. На долю хуэйцзы приходится 24 % от общего числа жителей, а это в численном выражении — 501 тыс. 142 человека (данные на 2015 г.). Всего в регионе Иньчуани действуют сто семнадцать мечетей, а в самом городе открыто сорок восемь мечетей.

В Иньчуане вместе с пригородами открыты три университета, из которых два университета

являются государственными, а одно учебное заведение высшей школы — частное. Наиболее авторитетными вузами являются Университет провинции Нинся и Бэйфан миньцзу дасюэ — Университет северных национальностей. В этих учебных заведениях учится значительное число представителей хуэйцзы и выходцев из других исламских районов. Общение с ними во время пребывания в Иньчуани авторов данного материала в ноябре — декабре 2017 года позволило сделать вывод о стремлении молодых китайских мусульман к получению высшего образования, которое позволит им претендовать на получение более престижной, интересной и хорошо оплачиваемой работы.

Наряду с образовательными центрами провинции, которые, конечно, являются светскими, в ряде мест Иньчуани и его пригородов существуют небольшие коранические школы при мечетях, где можно получить элементарные знания арабского языка. На более высоком уровне арабский язык преподают в учебных центрах, в частности Исламский институт (автономного района) Нинся. При мечетях существуют и образовательные учреждения для мусульман, которые хотят углубить познания в области религии и языка.

Одним из шедевров мусульманского архитектурного искусства может служить мечеть Тунсинь в окрестностях Иньчуани. Ее строительство относится к периоду династии Юань (1271—1368), когда наблюдался рост мусульманского населения в этом районе Китая (сейчас Нинся-Хуэйский автономный район). Тогда мусульмане начали активно строить мечети для своих общин. Возраст мечети составляет примерно 700 лет. Комплекс зданий мечети сочетает изящную китайскую архитектуру с исламской декоративной традицией. Мечеть Тунсинь входит в «десятку» самых красивых мечетей страны и имеет самую долгую историю среди мечетей Нинся-Хуэйского района. Во время правления цинских императоров Цяньлуна (1735—1795) и Гуансюя (1875—1908) мечеть несколько раз ремонтировали, а впоследствии обновляли за счет финансовой помощи правительства. Мечеть Тунсинь занимает площадь 3542 кв. метра. Она состоит из верхней и нижней частей. Вход, стена-ширма, домик с источником и помещение для омовения расположены внизу, тогда как минарет и молельный зал возведены наверху на семиметровом кирпичном основании. Основание имеет округлую форму с внешней стороны и квадратные углы. Стена-ширма перед входом в комплекс зданий мечети имеет высоту в шесть метров и девять метров в ширину. Она построена из темно-серых кирпичей. На поверхности стены находится изысканное тиснение под на-

званием «Луна, скрытая в соснах и кипарисах». Двустипшие, прославляющее Аллаха Всевышнего и пророка Мухаммеда, выгравировано по краям тиснения.

Проход через ворота составляет 2,79 м в высоту и 1,7 м в ширину. Он украшен резьбой, выполненной на кирпиче с изображением поникших лотосов. На притолоке при входе надписи на китайском языке: слово «Мечеть», справа от него надпись: «Очищение сердца» (имеется ввиду — очищение от злых намерений), а слева от слова «Мечеть» — «Храните терпение». Среди этих слов вплетены тексты на арабском языке, оформленные особым почерком [8, с.78].

Недалеко от этого шедевра китайской мусульманской архитектуры были построены еще две мечети Вэйджоу и Ян. Однако лишь мечеть Тунсинь известна за пределами Иньчуани и служит местом поклонения китайских мусульман. В 1936 года Красная армия Китая вступила в этот округ и учредила правительство округа хуэй непосредственно в помещениях этой мечети. Это было первое правительство национальности хуэй в истории Китая.

Сейчас мечеть Тунсинь входит в список охраняемых исторических объектов на территории Нинся-хуэйского автономного округа. Еще одной достопримечательностью Иньчуани является мечеть Наньгуан (у Южной заставы). Она была построена в центре старого города в 1644 года, а в 1953 году была перестроена. Вмещает тысячу молящихся.

Крайне интересной для изучения китайского мусульманства и его связей с Ближним Востоком является мечеть Гунь-чжун-коу в горах Алашань. Эта мечеть и расположенная при ней кубба почитаются как место особой святости. Туда совершаются зийарат (посещения) местных и приезжающих из других районов Китая мусульман. Перед входом в комплекс зданий, составляющих мечеть, установлен китайский государственный флаг. Это служит указанием на то, что мечеть является государственной и заботу о ее функционировании и содержании взяло на себя государство¹. На территории комплекса есть могила. Говоря об истории появления здесь мусульманской арабской могилы, источники указывают, что она датируется 1628 г. и в ней покоится тело праведника и, судя по всему, миссионера Османа Камал ад-Дина. Здесь он скончался и был похоронен. Надгробие застилает отрез зеленой ткани с нанесенным на ней арабским текстом.

¹ В мечетях, не имеющих при входе национального китайского флага, все вопросы функционирования решает община прихожан.

Причем текст выполнен не в традиционной китайской каллиграфической манере, а является вариантом арабского почерка. Перед входом в куббу стоит каменная стелла с пояснительной надписью на китайском и арабском языках, датированными 20 октября 1997 г., сверху — текст шахады.

Приведем перевод этого текста:

«Краткие сведения о куббе Камал ад-Дина. Шейх Камал ад-Дин б. Осман — араб. Он прибыл в Китай из Йемена, пересек океан в конце XVI в. Он занимался распространением исламского верования в Инчуане более тридцати лет. Скончался 12 числа седьмого месяца по лунному календарю, что соответствует 1628 г. Был погребен здесь. После этого местные мусульмане создали куббу в память о нем. Достоинства шейха Камал ад-Дина были известными среди народных масс мусульман, и они увековечили его память. По этой причине мусульмане из пригорода Инчуани, уездов Юнин, Хэлань и других собираются на этой вершине для проведения поминальной церемонии в день его кончины».

На противоположной от куббы праведника стороне расположено небольшое здание собственно мечети, где на стене содержатся надписи на арабском и китайском языках, а у входа не совсем типичные для мусульманских культовых заведений вазы с арабской графикой, заполненные песком, внутри которых стоят дымящиеся ароматические свечи. Гунь-чжун-коу является «религиозным заповедником», поскольку рядом с исламскими святынями здесь находятся даосские и буддистские храмы и ступы. Сюда направляются паломники и туристы из разных частей Китая.

Мечеть На-цзя-ху (мечеть клана На) за пределами Иньчуани была построена в 1524 году. Эта мечеть имеет просторный внутренний двор. В мечети расположено одноэтажное здание, где молятся мужчины и недалеко от него располагается меньшее по размеру помещение для женщин. В центре имеются два входа: один под обзорной башней, а второй в стене без башни. В мечети создана специальная кораническая школа для обучения арабскому языку взрослого населения.

В Нинся-Хуэйском автономном районе существует мечеть, в которой принят громкий зикр. Это место, расположенное в предместьях столицы автономного района — города Иньчуань — является одной из его достопримечательностей.

До того, как в начале XX в. в Китае печатные мусульманские книги заменили искусные рукописи, владение пером было одним из важнейших навыков для студентов медресе. Ещё пятьдесят лет назад ученики в Хэчжоу и Ганьсу не могли приступить к обучению, прежде чем не сделают

копии своих учебников. В Китае были известны разнообразные кисти для каллиграфии, но основные письменные принадлежности для написания исламских текстов заимствовались из Ирана или Египта. Выбор материала для письма также определялся не местной китайской традицией, а скорее ближневосточной. Жёсткий пергамент являлся основным материалом для копирования рукописей, хотя в Поднебесной существовали различные сорта тонкой бумаги.

В наши дни образцы китайской исламской каллиграфии часто можно встретить на тонкой рисовой бумаге, выполненные с помощью деревянных шпателей и кисточек с коротким ворсом.

Наиболее популярным стилем арабской каллиграфии стал «сини», что можно перевести с арабского языка, как «китайский». В принципе этим термином можно обозначать любой вид исламской каллиграфии в Китае, но отличительной чертой «сини» является закруглённый и плавный шрифт со свободным пространственным расположением букв, длинными и широкими изогнутыми линиями. Этим шрифтом часто пишут тасмию (басмаллу) или айаты, которые обычно помещаются над главным входом в мечеть. Также стилем «сини» часто изображают слова шахады в виде павлиньего хвоста, например, который помещают над михрабом. Применительно ко многим китайским современным мечетям можно заметить сочетание обоих стилей: традиционного арабского почерка «насха», «куфи» и местного «сини».

Сегодня «сини» используется почти повсеместно на востоке Китая. Чуть меньше этот стиль каллиграфии распространён в провинциях Ганьсу, Нинся, Шаньси.

Практически каждый краеведческий и исторический музей в провинциях, где проживают мусульмане, включая и Иньчуань, имеет разделы, посвященные быту, традициям, культуре местных мусульман. Среди экспонатов встречаются образцы каллиграфии, работы по стеклу и фарфору, надписи и изображения, выполненные в изящной форме на тканях. Конечно, обязательно выставляются копии текстов Корана.

В последние десятилетия китайские официальные деятели и ученые стараются уделять больше внимания сохранению культурно-религиозного наследия. Это находит выражение в реставрации и ремонте зданий мечетей, кубб, мазаров — представляющих шедевры средневековой китайско-мусульманской архитектуры, в поощрении каллиграфического искусства, в организации постоянных и временных выставок народного творчества. В связи с этим, особый интерес представляют святыни и культовые исламские места

проживающей достаточно компактно общины хуэйцзы — китайских мусульман Нинся-Хуэйского автономного района.

Можно сделать вывод, что Инчуань как центр китайского мусульманства формировался под воздействием разных исламских народных течений, что нашло отражение в деятельности на его территории суфийских братств, прежде всего накшбандийи с двумя ее основными направлениями — хафийа и джахрийа. Они, выйдя из Центральной Азии и Синьцзяна, нашли здесь благодатную почву и приобрели значительное число адептов. В то же время этот регион, не являясь частью тюркского или монгольского мира, тяготел к связям с Ближним Востоком, и прежде всего с арабами. Это обусловлено тем, что мест-

ные мусульмане, утратив генеалогические сведения и смешавшись с китайским этническим элементом, предпочитают ассоциировать себя с ближневосточными предками и китайцами, выражая тем самым определенное противопоставление другой части последователей ислама в Китае.

Святыни и культовые исламские места китайских мусульман Нинся-Хуэйского автономного района отличаются давней историей и своеобразием архитектуры, которая, несмотря на заимствование принципов распределения зданий внутри комплекса мечетей в соответствии с требованиями мусульманского культа, сохраняют принципы строительства и архитектуры, сложившиеся в Китае с древности.

Список литературы

1. Палладий. О Магометанах в Китае / Палладий // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. — Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и К^о, 1866. — С. 437—460.
2. Васильев, В. П. О движении магометанства в Китае / В. П. Васильев // Дунгане: история и культура: российские дореволюционные работы о дунганах / сост. М. Р. Мадиван ; отв. ред. О. И. Завьялова ; Ин-т восточных рукописей (Азиатский музей) РАН ; Ин-т Дальнего Востока РАН. — Москва : Наука : Восточная литература, 2017. — С. 53—78.
3. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. — Москва : Восточная литература, 2007. — 869 с.
4. Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или китайский Туркестан / пер. В. В. Григорьева. — Вып. 1. — Санкт-Петербург : Печатня В. Головина, 1869. — 560 с.
5. Резван, Е. А. Между Туркестаном и Тибетом: салары / Е. А. Резван. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2010. — 409 с.
6. Ши Шу. Проблемы проникновения и начального этапа существования в Китае христианства и ислама в китайской науке XX в. : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ши Шу. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т., 2006. — 16 с.
7. Guanglin, Zhang. Islam in China / Zhang Guanglin. — China Intercontinental Press, 2005. — 126 p.
8. Guiping, Yang. Islamic Art in China / Yang Guiping. — China Intercontinental Press, 2012. — 173 p.
9. Li, Hua. Materials in the *Manwen lufu* regarding hui Muslim migrants to Xijiang / Hua Li // Studies on Xinjiang Historical Sources in the 17—20th Centuries / ed. by J.A. Millward, Shinmen Yasushi, Sugawara Jun. — Tokyo : The Toyo Bunko, 2010. — P. 218—236
10. Zarcone, Th. Sufi private family archives: regarding some unknown sources on the intellectual history of sufi lineages in XX century Xinjiang / Th. Zarcone // Studies on Xinjiang Historical Sources in the 17—20th Centuries / ed. by J.A. Millward, Shinmen Yasushi, Sugawara Jun. — Tokyo : The Toyo Bunko, 2010. — P. 140—161.
11. Дин, Х. Ал-Муслимуна ас-синийуна фи-л-карн ал-ишрин = Китайские мусульмане в XX веке / Х. Дин, Г. Чжан. — Иньчуань : Нинся жэньминь чубаньшэ, 2013. — 227 с.
12. Ли, В. Каумийа хуай фи-с-Син = Национальность хуэй в Китае / В. Ли. — Иньчуань : Нинся жэньминь чубаньшэ, 2013 — 195 с.

Сведения об авторах

Герасимов Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. *igorfarouh@yandex.ru*;

Пан Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, заведующая отделом Дальнего Востока, Москва, россия. *ptatiana@inbox.ru*.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 9 (443).

Philosophy Sciences. Iss. 58. Pp. 37—45.

The formation of Muslim communities in China and the Muslim shrines in Yinchuan (Ningxia-Hui autonomous region, China)

I.V. Gerasimov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. igorfarouh@yandex.ru;

T.A. Pan

Institute of Oriental Manuscripts RAS, Moscow, Russia. ptatiana@inbox.ru

The article deals with some aspects of the history of Islam in China, the emergence of immigrants who transmitted the Islamic knowledge, the formation of the Hui people, the activities of Sufi fraternities in China in the past and present. Special attention is paid to the shrines — mosques, *kubbas* and museums in Incheon, which contain exhibits that highlight the life of the Islamic community in this region.

Keywords: *Islam, Yinchuan, mosques, Sufism, Naqshbandiyya.*

References

1. Palladij. O Magometanakh v Kitae [About Mohammedans in China]. *Trudy chlenov Rossiiskoi dukhovnoi missii v Pekine* [Works of the members of the Russian Spiritual Mission in Beijing]. St. Petersburg, Tipografia V. Bezobrazova i K^o, 1866. Pp. 437—460. (In Russ.).
2. Vasiliev V.P. O dvizhenii magometastva v Kitae [On the Mohammedan movement in China]. *Dungan: istoriia i kultura: rossiiskie dorevolutsionnye raboti o dunganakh* [Dungans: history and culture: Russian pre-revolutionary works about the Dungans]. Moscow, Vostoshnaya literatura, 2017. 335 p. (In Russ.).
3. *Dukhovnaia kultura Kitaia. T. 2. Mifologiya. Religiya* [Spiritual culture of China. Vol. 2. Mythology. Religion]. Moscow, Vostoshnaya literatura, 2007. 869 p. (In Russ.).
4. *Zemlevedenie K. Rittera. Geographia stran Azii, nakhodiaschikhsia v neposredstvennykh snosheniakh s Rossiei. Vostochnyi ili kitaiskii Turkestan* [Land Studies by K. Ritter. Geography of Asian countries in direct relations with Russia. Eastern or Chinese Turkestan]. Iss. 1. St. Petersburg, Pechatnia V. Golovina, 1869. 560 p. (In Russ.).
5. Rezvan E.A. *Mezhdru Turkestanom i Tibetom: salary* [Between Turkestan and Tibet: Salars]. St. Petersburg, MAE RAN, 2010. 409 p. (In Russ.).
6. Shi Shu. *Problemi proniknovenia i nachalnogo etapa suschestvovaniia v Kitae khristianstva i islama v kitaiskoi nauke 20 v.* [Problems of penetration and the initial stage of existence of Christianity and Islam in China in the Chinese science of the 20th century]. Abstract of thesis. St. Petersburg, 2006. 16 p. (In Russ.).
7. Guanglin Zhang. *Islam in China*. China Intercontinental Press, 2005. 126 p.
8. Guiping Yang. *Islamic Art in China*. China Intercontinental Press, 2012. 173 p.
9. Li Hua Materials in the *Manwen lufu* regarding hui Muslim migrants to Xinjiang. *Studies on Xinjiang Historical Sources in 17—20th Centuries*. Tokyo, The Toyo Bunko, 2010. Pp. 218—236.
10. Zarcone Th. Sufi private family archives: regarding some unknown sources on the intellectual history of sufi lineages in 20th century Xinjiang. *Studies on Xinjiang Historical Sources in 17—20th Centuries*. Tokyo, The Toyo Bunko, 2010. Pp. 140—161.
11. Ding Hong, Zhang Guote. *Al-muslimuna al-siniuna fi al-qarn al-'ishrin* [Chinese Muslims in the 20th century]. Incheon, Ninsia djenmin chubanshe, 2013. 227 p. (In Arabian).
12. Li Wanhua. *Qaumiya hui fi al-Sin* [Hui nationality in China]. Incheon, Ninsia djenmin chubanshe, 2013. 195 p. (In Arabian).